

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

9 344 / 5 263 кп.

Т Р У Д Ы ОТДЕЛА ВОСТОКА

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД · 1940

К ИСТОЛКОВАНИЮ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА БИЯНАЙМАНСКИХ ОССУАРИЯХ

I

Находимые в различных районах Средней Азии терракотовые ящички — оссуарии, породившие, начиная с 80-х годов прошлого века, довольно значительную литературу, обычно безоговорочно связываются с домусульманским зороастрийским населением этого края. Конечно, если признать, что до арабского завоевания и первое время после него подавляющее большинство населения Средней Азии составляли зороастрийцы, как оно, повидимому, и было на самом деле, то огнепоклоннический характер глиняных погребальных ящичков не должен, казалось бы, подвергаться сомнению. Но при этом все же не следует забывать, что в собственно Иране, где зороастризм, по крайней мере в эпоху Сасанидов, играл, несомненно, большую роль, нежели в Трансоксиане, гробиков с костями, так наз. ас-т-б-д-а-нов, найдено не так уж много. С другой стороны, не лишен интереса и тот факт, что в ряде местностей Востока — в Палестине, Египте и даже Мавритании — открыто, как известно, значительное количество оссуариев еврейского происхождения, что с несомненностью удостоверяется надписями на них.¹ Эти обстоятельства заставляют предположить, что, возможно, далеко не все среднеазиатские костехранилища содержали останки маздеистов, и многие из них вполне могли принадлежать евреям и христианам, а также представителям других культов, в то время распространенных на почве Трансоксианы. К этим культам, прежде всего, следует отнести манихейство и среднеазиатский буддизм, испытывший на себе, как можно предполагать,

¹ Clermont-Ganneau. *Archaeological Researches in Palestine during the years 1873—1874. 1899. Vol. I. p. 381 sqq.*, глава — XV: „Jewish ossuaries and sepulchres“; idem, *Recueil d'archéologie orientale*, t. II, стр. 78 сл. — об оссуарии с латинской надписью, найденном в местности Айн-Бейда (Алжирия).

влияние местного зороастризма и, в свою очередь, повлиявший на развитие последнего.

На возможность еврейского происхождения среднеазиатских оссуариев указывалось еще сорок лет тому назад, в связи с находкой в 1899 г. в одном из домов еврейского квартала (махалла) в Самарканде шести глиняных гробиков с костями. По поводу этой находки, сообщение о которой в Восточном отделении Русского археологического общества было сделано Н. И. Веселовским, П. К. Коковцов дал справку об еврейских оссуариях, содержащую краткие указания как на археологические материалы, так и на свидетельства письменных источников по данному вопросу.¹ Повидимому, эту справку имел в виду К. А. Иностранцев, отмечая, что „при наличии у евреев обычая костехранилищ“ нельзя отрицать возможной принадлежности того или иного среднеазиатского оссуария евреям, „но при значительном количестве и широком географическом распространении большинство туркестанских оссуариев приходится, повидимому, считать нееврейскими“.² Я, со своей стороны, вполне присоединяюсь к осторожному высказыванию К. А. Иностранцева, хочу, однако, еще раз напомнить всем, так или иначе интересующимся проблемой среднеазиатских костехранилищ, что о возможном еврейском происхождении некоторых из них забывать не следует. Само собою разумеется, что находка шести оссуариев в еврейском доме ни в какой мере еще не указывает на отношение этих экземпляров к старому местному еврейскому населению, так как известно, что нынешний самаркандский еврейский квартал возник очень поздно; но нас неизбежно должны заставить задуматься указания местных археологов на то, что найденные в некоторых гробиках кости „имели следы гниения, предшествовавшего укладке их в урны“, и были пересыпаны сухой землей. Ведь как нам известно из старой литературной еврейской традиции, именно евреям дозволялось собирать для погребения кости близких людей „не ранее, как когда труп истлел и всякая человеческая форма на нем исчезла“, причем „на сложенные в костнике кости полагались куски сухой земли“.³ Эти две характерные детали, насколько я знаю, не могут быть с такой же точностью разъяснены на основании известных нам письменных источников о зороастрийских погребальных обрядах. Таким образом, занимаясь изучением среднеазиатских костехранилищ, мы

¹ ЗВО, XIII, стр. II слл. (сообщение Н. И. Веселовского), стр. XXI слл. (справка П. К. Коковцова).

² К. А. Иностранцев. Туркестанские оссуарии и астоданы, ЗВО, XVII, стр. 0167.

³ П. К. Коковцов. Вышеуказанная справка, стр. XXII.

никогда не должны забывать о евреях. С другой стороны, на ряде оссуариев, среди лепных орнаментов, встречаются вдавленные знаки, очень напоминающие сирийскую и в частности несторианскую разновидность креста,¹ что дает возможность поставить вопрос о христианском происхождении этих оссуариев. Впрочем, для решения этого вопроса мы, как мне кажется, еще не располагаем достаточным материалом, который давал бы твердую уверенность в том, что мы имеем здесь дело с действительным символом христианства, а не с выродившимся, схематизированным элементом растительного орнамента.

Насколько мы еще далеки от ясности в представлениях о зороастрийских погребальных сооружениях, показывают хотя бы те недоразумения, которые до самого последнего времени были связаны с относящейся к этим сооружениям терминологией. Достаточно указать хотя бы на то, что и К. А. Иностранцев,² и В. В. Бартольд³ считали арабское слово *наус* зороастрийским погребальным термином, категорически утверждая, что этим словом „у зороастрийцев сасанидского периода и первых веков ислама обозначались надгробные сооружения, служившие местом окончательного успокоения костей умершего“;⁴ в действительности, однако, справки в арабских толковых словарях (*Тадж ал-'арус* и др.) ведут нас, в отношении этого термина, не к зороастризму, а к христианству, и становится совершенно очевидным, что арабский язык заимствовал его не из Ирана, а из Сирии.⁵ И если в письменных источниках к зороастризму ошибочно был отнесен незороастрийский термин, то, повторяю, нам следует постоянно остерегаться подобной ошибки и в археологической области, и потому вопрос о зороастрийском происхождении каждой из разновидностей среднеазиатских оссуариев должен быть рассмотрен всесторонне. В моей настоящей статье я ограничиваюсь иконографическим исследованием наиболее интересной из этих разновидностей, известной под именем „биянайманских оссуариев“.

II

Как отмечалось уже давно, терракотовые ящички, в большом количестве обломков обнаруженные Б. Н. Кастальским

¹ См., например, оссуарий Московского Государственного Музея, опубликованный в сборнике „Искусство Средней Азии“ (Москва, 1930).

² К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, ЖМНП, нов. сер. XX, 1909, № 3, стр. 107.

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 40.

⁴ В. В. Бартольд. Ук. соч.

⁵ Этому вопросу посвящена моя еще не напечатанная заметка „О значении слова *наус*“.

в селении Биянайман (близ Катта-Кургана) и условно определяемые как оссуарии, по своей орнаментации резко отличаются от костехранилищ, найденных в разное время в Афрасиабе и в других местностях Средней Азии. В своей статье, появившейся в 1909 г. в приложении к „Протоколам Туркестанского Кружка Любителей Археологии“,¹ Б. Н. Кастальский сообщает, что из огромного числа (до 700 штук) фрагментов, составляющих его коллекцию, выяснилось существование четырех разновидностей этих оссуариев, имеющих между собою много общего и могущих быть причисленными к одному типу. Однако, отметив наличие четырех разновидностей, он дает подробное описание лишь одной из них, прилагая к описанию 2 фотографии и литографированный рисунок, представляющий реконструкцию лицевой стенки ящичка. На этой стенке штампованным рельефом изображены четыре человеческие фигуры, стоящие под четырьмя опирающимися на колонки арками (табл. I). Фигуры эти, из которых две средние представляют бородатых мужчин, а две крайние — женщин, имеют в руках предметы, в которых Б. Н. Кастальский справедливо видит культовые эмблемы и которые он пытается объяснить, хотя все его объяснения страдают большою нерешительностью. Насколько мне известно, все последующие заметки и суждения, касающиеся биянайманских оссуариев, основывались лишь на указанной статье Б. Н. Кастальского, и никаких дополнительных материалов после нее опубликовано не было. Впрочем, заметок и высказываний, посвященных этим любопытным памятникам, было очень немного. Одновременно со статьей Б. Н. Кастальского появилась скромная по размерам и характеру статейка А. Калмыкова,² содержащая ряд соображений по поводу опубликованных Б. Н. Кастальским материалов, а также попытку их датировки, от чего сам Б. Н. Кастальский предпочел воздержаться. А. Калмыков, на основании „архитектурной обстановки, среди которой расположены фигуры“, считает возможным отнести биянайманские терракоты к „эпохе, начинающейся с Сасанидов и кончающейся первыми веками ислама, т. е. с III до IX веков“ х. э. Эта в достаточной степени широкая датировка была недавно значительно сужена: А. А. Потапов в статье „Рельефы древней Согдианы, как исторический источник“³ приурочивает биянайманские оссуарии к концу V столетия, исходя из характера корон и ожерельев изображенных на них фигур. По мнению названного автора, с конца

¹ Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского Кружка Любителей Археологии, год XIII (1909), приложение (с особой пагинацией).

² Протоколы и т. д., год XIII (1909), стр. 49 сл.

³ Вестник Древней Истории № 2/3, 1938, стр. 120 сл.

IV века на коронах сасанидских царей пропадают эллинистические моменты, из которых, в качестве основного, он называет диадему с лентами у затылка; одновременно с этим якобы пропадает „еще один эллинистический признак костюма — круглая застежка, фибула, помещавшаяся сбоку, на вороте, на левом плече шаха; у Варахрана IV (388—399) ее уже не имеется. Начиная с середины V в., в костюме Пероза и следующих шахов мы видим на месте ворота платья ожерелье с медальоном посредине груди“. Отсюда автор делает вывод, что поскольку у фигур биянайманских оссуариев короны лишены „эллинистических моментов“ и, кроме того, поскольку у них мы находим на месте ворота характерное „ожерелье с медальоном посредине груди“, постольку эти памятники не могли возникнуть ранее второй половины V века. Однако справки А. А. Потапова не могут быть признаны точными. Диадема с лентами у затылка отнюдь не пропадает в конце IV века, а ясно видна, например, на чердынском блюде, на котором представлен охотящийся Пероз (457—483). Далее, внимательный просмотр нумизматического материала, собранного в большом труде Paruck'a,¹ убеждает нас в том, что фибула на левом плече сасанидского царя также отнюдь не пропадает в конце IV века, но встречается еще на монетах Варахрана V (420—438). Что же касается „ожерелья с медальоном на груди“, то такого ожерелья на портретах сасанидских царей мы вообще не находим; за ожерелье А. А. Потапов принял так называемый апезак, особый вид нагрудного украшения, обычный в костюме зороастрийских владык Ирана; на поздних сасанидских монетах, в связи с общим ухудшением их качества, этот апезак изображается несколько схематично и, действительно, с первого взгляда может быть принят за ожерелье, но сравнение с царскими изображениями на памятниках торевтики устраняет всякие сомнения по данному поводу. Таким образом, исходя из сказанного, приходится признать, что попытка А. А. Потапова датировать биянайманские оссуарии не является основательной.

В самое последнее время, когда уже был подготовлен черновик настоящей статьи, я узнал о новом опыте датировки интересующих нас памятников, содержащемся в одном из разделов только что вышедшего в свет в Америке большого коллективного труда по иранскому искусству — *Survey of Persian Art*. В этом труде, осуществленном при участии ряда советских ученых, биянайманские оссуарии, на основании данных стилистического анализа, подразделяются на три типа,

¹ Sasanian Coins, Bombay, 1924.

определяемых, к сожалению, лишь в самых общих словах. Из этих типов один, имеющий в себе некоторые черты индийского искусства, связывается стилистически с изображениями на изданном Dalton'ом¹ серебряном сосуде, сопоставляемом издателем со знаменитыми росписями Аджанты (первая половина VII в. х. э.); два же остальных типа связываются с сасанидским искусством, один — с ранней стадией этого искусства, со значительными эллинистическими переживаниями, другой — с более поздними его стадиями.² Отмечая эту несколько расплывчатую и как бы незавершенную датировку, я ни в какой мере не берусь давать ей здесь оценку, так как вопросы стиля сознательно исключаются мною из настоящей статьи, посвященной чисто иконографической проблеме.³

Б. Н. Кастальский, издавая из четырех разновидностей биянайманских оссуариев всего лишь одну, характеризует ее как наиболее из всех определившуюся. Это, конечно, правильно в том смысле, что от данной разновидности сохранилось наибольшее количество фрагментов, и потому она легко и безошибочно может быть реконструирована. Но этот тип оссуария должен быть признан явно неблагоприятным для работы историка, прежде всего хотя бы потому, что в его изображениях нельзя найти никаких отчетливых данных, на основании которых его можно было бы надежно датировать. Что это именно так, показывает хотя бы разобранная выше неудачная попытка А. А. Потапова, пожелавшего, для хронологического определения опубликованного Б. Н. Кастальским памятника, воспользоваться материалом сасанидской нумизматики. Конечно, связь этого памятника с сасанидским искусством (в широком смысле этого термина) вполне ясна даже при поверхностном взгляде на приложенные к статье Б. Н. Кастальского фотографии, и тем не менее почти ни один иконографический момент его не находит себе параллели в памятниках чисто и бесспорно сасанидских. Таким образом, при сравнительно слабых познаниях наших в истории культуры и искусства домусульманской Средней Азии представляется широкая возможность, при наличии предвзятых точек зрения, „интуитивно“ относить биянайманские терракоты с равной степенью убедительности и к началу нашей эры, и чуть ли не к концу первого ее тысячелетия,

¹ The Treasure of the Oxus, Pls. XXXIV—XXXV.

² A Survey of Persian Art from prehistoric Times to the Present, ed. by A. U. Pope and Ph. Ackerman, London—New-York, 1938, vol. I; статья Alexander Strelkoff. „Iran and the pre-islamic art of West-Turkistan“, стр. 452—453.

³ В настоящей статье я не ставлю своей задачей сообщение исчерпывающей библиографии по вопросу о биянайманских костехранилищах.

видя в сасанидских элементах или начальную, еще не вполне оформившуюся стадию будущего сасанидского искусства, или, наоборот, его переживания. Вот почему биянайманские оссуарии, при всей их несомненной историко-культурной ценности, все еще как-бы висят в воздухе, и исследователи не в состоянии сделать из них никаких надежных и плодотворных исторических выводов.

III

Для того чтобы сдвинуть вопрос о биянайманских оссуариях с мертвой точки, следовало рассмотреть всю массу собранных Б. Н. Кастальским фрагментов с целью найти среди них экземпляры, дающие более или менее твердые основания для хронологических выводов. Однако проделать эту работу до недавнего времени было затруднительно, поскольку коллекция находилась в Средней Азии во владении частного лица. Лишь теперь, когда все собрание Б. Н. Кастальского поступило в Государственный Эрмитаж, стало возможным тщательно и всесторонне ознакомиться с его содержанием. В результате подобного ознакомления, я считаю себя в праве предложить интересующимся новую попытку датировки биянайманских терракот, основанную на чисто-иконографических данных, и вместе с тем дать посильное истолкование находящихся на этих терракотах изображений.

Исходным пунктом для хронологического определения биянайманских оссуариев являются, на мой взгляд, два склеенные из мелких кусков обломка, принадлежащие ящичку иной разновидности, чем опубликованный Б. Н. Кастальским, хотя и того же типа. На этих обломках представлены две человеческие фигуры, помещающиеся под покоящимися на колонках арками (табл. II и III). Сходство этих изображений с изображениями на изданной разновидности оссуария, помимо ряда общих стилистических моментов, выясняется из одинакового характера арок, хотя на двух новых фрагментах арки орнаментированы не кружками, как на изданном экземпляре, а розетками — совершенно такими же, какими на изданном экземпляре украшен фриз; кроме того, совершенно тождественны капители колонн и трехлепестковый орнамент в промежутке между арками.

Но человеческие изображения на новых фрагментах и на изданном экземпляре совершенно различны. Здесь прежде всего останавливает на себе наше внимание находящаяся на одном из новых фрагментов сидящая мужская фигура, которая, на мой взгляд, и должна быть принята за отправную точку при датировке подобного рода памятников. Если человеческие изображения на изданном оссуарии — безраз-

лично как мужские, так и женские — украшены головными уборами, которые, напоминая короны сасанидских царей, в то же время значительно от них отличаются, то головной убор сидящей фигуры на новом фрагменте есть уже бесспорная разновидность царского венца Сасанидов. Попробуем, умеренно и осторожно пользуясь обычным в иранском искусствоведении методом датировки памятников по форме корон изображенных на них царей, определить более или менее надежным образом эпоху, из которой происходит наш экземпляр, а тем самым, *mutatis mutandis*, и остальные экземпляры бинаяманских терракотовых ящичков.

Основным элементом головного убора сидящей фигуры — элементом, позволяющим с первого взгляда установить тождество этого убора с сасанидской короной, является большой шар над теменем. Этот шар с лицевой стороны оформлен в виде обращенного рогами вверх полумесяца, внутри которого вписана шестилучевая звезда. Справа от шара, у того места, где он соприкасается с теменем, видна выпуклость, в которой, несмотря на ее значительную поврежденность, по общему контуру нетрудно признать крыло. Такое же крыло, несомненно, находилось и влево от шара, на утраченной части рельефа. Совершенно непонятным является отсутствие тульи короны: шар и крыло покоятся непосредственно на волосах, спускающихся в виде двух буклей почти до самых плеч фигуры. Впрочем, на месте тульи проходит трещина, и потому вполне возможно допустить, что первоначально тулья здесь была, но очень низкая и гладкая, не оформленная, по обычаю сасанидских венцов, в виде согопа *muralis*.

Сравнивая описанный головной убор с коронами сасанидских царей на монетах и памятниках торевтики, мы не найдем среди них вполне тождественной ему короны. Однако, если в нем и можно констатировать вероятное отсутствие некоторых обычных элементов сасанидского венца, например, тульи и лент (отсутствие последних, впрочем, несомненно), то следует особенно подчеркнуть, что все имеющиеся в нем налицо элементы безусловно встречаются на сасанидских коронах, хотя их и нельзя найти все зараз на какой-либо одной короне. Полумесяц на нижней части шара (или непосредственно под шаром) можно видеть на многих сасанидских венцах, но звезды на лицевой стороне шара мне найти не удалось. На коронах позднейших Сасанидов, начиная с Хосрова Парвеза (590—628), шестилучевая звезда в полумесяце представляет, конечно, обычное явление, но там эта звезда не соединяется с шаром, а всегда заменяет его собою. На описанном головном уборе, следовательно, объединены исторически существовавшие раздельно два элемента сасанидской короны —

шар и звезда. Крылья, далее, встречаются на головных уборах многих сасанидских царей: у Хормизда II (302—309) и у Варахрана IV (388—399) они посажены низко и плотно прилегают к тулье, у Пероза и особенно у всех последних Сасанидов, опять-таки начиная с Хосрава Парвеза, они, как и на нашем фрагменте оссуария, высоко подняты и расходятся в стороны. При этом следует отметить, что на коронах позднейших Сасанидов, где мы находим вместо шара звезду, так же как и на нашем фрагменте, отсутствуют ленты, обязательно украшающие все короны до VII века (*табл. IV, 1*). Итак, исходя из положения, что всякое смешанное культурное явление, заключающее в себе разновременные элементы, следует датировать по позднейшим его чертам, я прихожу к выводу, что головной убор сидящей мужской фигуры на нашем фрагменте представляет собою несколько незаконченное и как бы „сбитое“ отображение корон сасанидских царей VII столетия. В пользу этого говорят: 1) наличие шестиконечной звезды в полумесяце, 2) наличие распростертых крыльев и 3) отсутствие лент. Шар заимствован, повидимому, из более ранних эпох, хотя и в VII веке он изредка продолжает встречаться, например на некоторых монетах Хосрава Парвеза, Ардашира III (628—630) и Ездегерда III (632—651).

IV

Здесь следует отвлечься несколько в сторону и попытаться рассмотреть вопрос о том, насколько головные уборы типа сасанидских корон являются бесспорным датирующим моментом. Этот вопрос едва ли может возникнуть в отношении памятников собственно сасанидских, но для вещей, создавшихся за пределами фактического господства Сасанидов, например в данном случае для биянайманских терракот, он, конечно, вполне закономерен. Однако для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо точно установить генезис сасанидской короны, что в настоящее время, на основании имеющегося в нашем распоряжении материала, едва ли может быть осуществлено в полной мере.

Корона сасанидских царей, как известно, не имеет ничего общего с древней ахеменидской тиарой, столь хорошо знакомой нам, прежде всего, из персеполитанских рельефов. Это может показаться тем более странным, что, во-первых, Сасаниды, если верить поздней зороастрийской исторической традиции, рассматривали себя, как восстановителей исконной иранской государственности, разрушенной нашествием Александра; во-вторых, ахеменидская тиара и в сасанидскую эпоху не была забыта совершенно, так как мы находим ее хотя бы на голове нередко изображаемого в зороастрийской глиптике

мифического человеко-быка Гопатшаха, образ которого, возможно, был навеян колоссальными „ламассу“, стоящими у входа в пропилеи Ксеркса в Персеполе; и в-третьих, если исходить из некоторых эпитетов, прилагаемых в „шахнаме“ Фирдауси к сасанидской короне (напр., *кеяни кулах*), а также из известного сказания о чудесном троне Феридуна, „Такдисе“, корона и престол Сасанидов все же связывались, по крайней мере в представлении зороастрийского эпоса, с древнейшими царями Ирана. Но как бы то ни было, факт остается фактом, и венец Сасанидов ни в какой мере не может быть возведен к тиаре Дария и Ксеркса. Не может быть связан он и с коронами Аршакидов, поскольку мы можем судить о них на основании нумизматического материала. Таким образом, если в сасанидской короне видеть продолжение какой-то более ранней традиции, а это представляется весьма вероятным, то эту традицию следует искать не по основной линии верховных властителей Ирана, а по каким-то побочным линиям, среди второстепенных местных династий.

Головные уборы сасанидских царей, во всем их разнообразии, хорошо известны нам из скальных рельефов, из памятников староиранской тореvтики, из резных камней и главным образом из сасанидских монет. Несмотря на то что обильный нумизматический материал, казалось бы, вполне четко отражает индивидуальные черты корон всех без исключения шаханшахов, до сих пор еще не прекращаются колебания в определении целого ряда венцов, изображенных на различных памятниках сасанидского искусства, а вместе с тем и сами эти памятники не получают надежной и окончательной датировки. Для примера достаточно указать на недавнюю работу Erdmann'a,¹ в которой, на основании нового анализа головных уборов, изображения царя в большом гроте Так-и-Бостана и на серебряном парижском блюде с охотничьей сценой, в которых до сих пор видели Хосрава Парвеза, относятся к Перозу, или на еще более свежую статью R. Cotteville-Giraudet,² где то же парижское блюдо и также на основании анализа короны связывается с последним Сасанидом Ездегердом III, а фигура сидящего царя на резном хрустале знаменитой „Соломоновой Чаши“ истолковывается как изображение Кавада I (488—531), а не Хосрава Аноширвана, как ее обычно понимают.

Однако, несмотря на эти, так сказать, чисто „внутренние“ колебания, основные моменты сасанидской короны, по

¹ Die sasanidischen Jagdschalen. Jahrbuch d. Preuss. Kunstsamml., Bd. 57 (1936). H. 4.

² Coupes et camées sassanides du Cabinet de France, Revue des Arts Asiatiques, XII (1938), № 1, стр. 52 слл.

которым ее можно с первого взгляда отличить от всякого другого головного убора, являются вполне определенными, вследствие чего за сасанидской короной может быть признано по крайней мере, хотя бы общее датирующее значение, позволяющее рассматривать всякий памятник, на котором встречается ее изображение, как бесспорно происходящий из эпохи Сасанидов, или — в известных случаях — из времени несколько более позднего. Наиболее характерным моментом головного убора сасанидских царей является поднимающееся над тульей сферическое сооружение, представляющее собою — по крайней мере до Варахрана V — несколько необычайную прическу, шарообразно собранные и завитые волосы, что ясно различимо, например, на рельефе Так-и-Бостана, изображающем инвеституру Ардашира II. Нередко волосяной шар обертывался плотно облегающей его шелковой тканью, служащей для него как бы легким футляром, причем вполне возможно, что иногда эта ткань натягивалась на круглый проволочный каркас, и в таких случаях волосяной шар отсутствовал.¹ Судя по нумизматическим данным, сферическое сооружение встречается уже на головном уборе Ардашира Папакана и исчезает лишь на коронах позднейших Сасанидов, у которых оно, как было выше отмечено, заменяется шестиконечной звездой в полумесяце, хотя и в VII веке шар все же изредка попадает на монетах.

К сожалению, действительный смысл этой необычайной детали головного убора владык Ирана не вполне для нас ясен, так как, будучи хорошо известна нам из иконографических материалов, она, повидимому, не находит себе отражения в сохранившихся письменных источниках. Скудные и крайне немногочисленные характеристики сасанидских корон, встречающиеся у Фирдауси и у некоторых арабских авторов, например у ал-Масуди и у Хамзы Исфаханского, почти исключительно заняты перечислением драгоценных материалов, из которых сооружались короны, не содержа никаких определенных сведений о форме последних и указывая из их составных частей лишь некоторые („зубцы“, „полумесяц“). Столь же лаконичным является и описание короны Хосрава Аноширвана, содержащееся в известном „жизнеописании Мухаммеда“ Ибн-Хишама и восходящее, в отличие от Фирдауси и двух вышеназванных историографов, не к иранским, а, повидимому, к домусульманским арабским источникам. Здесь сообщается лишь, что золотой венец Аноширвана, украшенный яхонтами, хризо-

¹ Об этой детали головного убора сасанидских царей см. Fr. Sarre, E. Herzfeld. *Iranische Felsreliefs*, 1910, стр. 68; E. Herzfeld. *Am Tor von Asien*, 1920, стр. 60.

празами и жемчугом и висевший на золотых цепях над тронном, по форме был подобен большой хлебной мере (ал-канкал).¹ Что это скудное описание не является плодом фантазии, видно из всех его конкретных моментов; однако сравнение с хлебной мерой, так же как и известное бедуинское сравнение государственного знамени Сасанидов с „дорожной сумою на палке“,² говорит нам очень мало. Упоминание интересующей нас детали сасанидского головного убора, отсутствующее во всех названных памятниках, равно как и у византийца Феофилакта, дающего описание драгоценной короны Хормизда IV (579—590), мы находим, повидимому, лишь в двух источниках, да и то — в недостаточно отчетливой форме. Первым источником является знаменитый ал-Бируни, который в своей хронологии древних народов говорит, что в праздник Михраджан иранские цари надевали венец, имевший на себе изображение солнца и колеса, по которому оно катится.³ На второй источник, относящийся к значительно более позднему времени, указал Э. Херцфельд;⁴ это — составленный в Индии в конце XVI столетия персидский толковый словарь Фарханг-и-Джехангири. Здесь говорится, что Ардашир Папакан впервые надел на себя корону, украшенную изображением солнца, и остальные Сасаниды последовали его примеру. Э. Херцфельд, несомненно, прав, усматривая в этом „изображении солнца“ не что иное, как шар, украшающий венцы сасанидских царей. Таким образом, на основании обоих приведенных свидетельств можно со значительной степенью вероятности предположить, что старая зороастрийская традиция в течение многих веков хранила воспоминание об интересующей нас характерной детали сасанидской короны, истолковывая ее как эмблему солнца.

Но если для истолкования шара на сасанидском венце мы находим в источниках хотя и беглые, но все же достаточно любопытные данные, то о происхождении его нам не удастся найти ничего более или менее достоверного. У нас нет оснований признать, вместе с Фарханг-и-Джехангири, что шар на головном уборе появился впервые у Ардашира; обычный консерватизм регалий заставляет, прежде всего, искать здесь определенную традицию. Что эта традиция ни в какой мере не связана с парфянами, это вполне очевидно: полусферические

¹ Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hisham, ed. F. Wüstenfeld, 1858, I, p. 42; повторяется у ат-Табари — Nöldcke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, 1879, p. 221—222.

² Табари, I. 207.

³ Заимствую у К. А. Иностранцева. Сасанидские этюды, 1909, стр. 93, прим. 3.

⁴ Am Tor von Asien, стр. 60.

тиары аршакидских царей, судя по монетам, были лишены подобного украшения. И здесь сама собою возникает естественная мысль: сасанидская корона должна быть генетически связана с местной традицией Парса — области, из которой, как известно, вышла династия Ардашира. Внимательно просматривая так называемые персеполитанские монеты, мы, прежде всего, встречаем здесь такую же *corona muralis*, как и у Сасанидов; корона эта, повидимому, являлась наследственным головным убором правителей Истахра. Кроме того, на одной из персеполитанских монет мне удалось отметить особенно интересную для нас подробность — волосы, собранные на темени в небольшой узел;¹ из этого-то узла, возможно, и развилась впоследствии пышная сферическая прическа Сасанидов. Таким образом, шар над тульей короны может иметь „персеполитанское“ происхождение и существовать, хотя бы лишь в своей первоначальной форме узла из волос, у истахрской династии Базрангидов, последний представитель которой, Гозихр, был низложен Сасанидами. Отец Ардашира, Папак, умертвив Гозихра, завладел его короной и вознамерился венчать ею своего старшего сына Шапура,² из чего можно сделать вывод, что „персеполитанские“ регалии были усвоены новыми владыками Ирана. Небольшой шиньон из волос мог развиваться в объемистое сферическое сооружение над тульей короны под влиянием еще более узкой местной традиции мелких владетелей Хира — области, издревле принадлежавшей роду Сасана. На монетах старшего брата Ардашира, Шапура, где на одной стороне изображен он сам в парфянской тиаре, а на другой — его отец Папак, царь Хира, — головной убор Папака украшен большой конструкцией, правда, не сферической, а, повидимому, многогранной, однако весьма напоминающей собой тот несколько вытянутый шар, которым украшена голова Ардашира на поздних его монетах. Таким образом, мы имеем некоторые основания для того, чтобы признать в сасанидской короне дальнейшее развитие традиции головного убора местных династий Парса.

Если принять это заключение, то наша датировка описанного фрагмента оссуария должна быть признана правильной. Но тут может возникнуть вопрос вполне, казалось бы, уместный: не является ли так называемая сасанидская корона прямым заимствованием из Средней Азии, где она могла существовать задолго до Сасанидов? Ведь если это так,

¹ Corolla numismatica (1906), Allotte de la Füye, Étude sur la numismatique de la Persie, стр. 63 сл. и CBrM, Arab. Mesop. Persia, pl. XXXVII, № 12.

² Nöldeke. Tabari, стр. 7.

³ Paruck. Op. cit.

то изображение подобной короны на среднеазиатских памятниках отнюдь не должно рассматриваться как надежный датирующий момент. Нужно признаться, что этот вопрос является проблемой, точное разрешение которой в настоящий момент едва ли может быть найдено. Вообще же о коронах среднеазиатских правителей нам известно очень немного. Китайские историки — но лишь с конца IV века х. э. — сообщают, что престолы и венцы среднеазиатских царей имеют вид птиц, животных и рыб.¹ Подобные короны мы находим и в сасанидской нумизматике конца III — начала IV вв. На монетах Варахрана II (276—293) царица имеет на голове убор, украшенный головою вепря, в то время как голова царевича покрыта как бы колпаком, верхушка которого оформлена в виде головы крупной хищной птицы, повидимому орла. Орла представляет собою и корона Хормизда II (302—309). Согласно сообщению Аммиана Марцеллина, Шапур II (309—379) во время осады Амида имел на голове шлем в виде бараньей головы. Исходя из всех этих данных, следует, несомненно, признать, что некоторые головные уборы сасанидских царей имеют известное сходство со среднеазиатскими уборами, однако причины этого сходства для нас пока неясны, как неясно и то, имеем ли мы здесь дело с заимствованием или же с совершенно независимыми, параллельно развившимися явлениями. Во всяком случае, факт заимствования Сасанидами своих корон из Средней Азии представляется мне исторически менее вероятным, чем высказанное выше предположение о происхождении этих корон из Парса, колыбели старых иранских традиций и родины новой династии. Окончательное выяснение этого вопроса должно принадлежать, впрочем, нашим археологам, ведущим сейчас упорную работу по выявлению исторического прошлого Средней Азии и год от году расширяющим и обогащающим наши сведения в этой области исторической науки.

V

Но даже если когда-нибудь и удастся доказать, что основные элементы сасанидской короны, в силу тех или иных причин, заимствованы из Средней Азии, то и тогда наша датировка описанного фрагмента оссуария едва ли будет серьезно оспариваться, так как изображенный на этом фрагменте головной убор имеет столь определенные признаки позднесасанидского венца, что допустить существование подобного убора в Средней Азии в досасанидский, или даже,

¹ Иакинф. Собрания сведений, III, стр. 147, 160, 162, 176, 183, 189 и др.

в раннесасанидский период никак невозможно. Сасанидская корона, на всем протяжении своего более чем четырехсотлетнего существования, вполне определенно эволюционирует, и позднее звено этой эволюции не может быть снято со своего места и поставлено в начало цепи без нарушения исторической правды. Таким образом, отнесение нашего фрагмента, самое раннее, к VII столетию я считаю при всех обстоятельствах в достаточной мере обоснованным.

Будучи создан в самом центре согдийской культуры, на территории, хотя и не входившей в состав сасанидского государства, но тем не менее подвергавшейся в течение столетий значительному культурному воздействию со стороны Ирана, интересующий нас терракотовый рельеф, в основном, настолько полно выдержан в духе сасанидских иконографических традиций, что мы с иконографической стороны смело могли бы принять его за памятник сасанидского искусства, будь он найден на территории Ирана. Царь изображен здесь сидящим на тахте и опирающимся на меч — правда, поза его несколько отличается от той, в которой изображались владыки Ирана в официальном пехлевийском своде портретов персидских царей, описанном ал-Масуди и Хамзой Исфahanским, и которая сохранилась на некоторых памятниках сасанидского искусства, например на серебряном блюде из Кунгура, где изображен сидящий Хосрав Аноширван в кругу своих спахпатов.¹ Однако характерное положение меча на нашем рельефе, не находя себе параллели в изображениях на кунгурском блюде, на резном хрустале парижской „Соломоновой Чаше“ и на сердоликовой камее из Афрасиаба,² все же может быть объяснено из ряда памятников сасанидского художественного круга, где мы также находим изображение меча, проходящего за согнутой в колене ногой сидящей фигуры. Назову хотя бы серебряное блюдо из Климовой с изображением сидящего на тахте юного лунного божества³ (табл. IV, рис. 2) и такое же блюдо Walters-Gallery,⁴ где изображена царская чета в день Науруза; сюда же можно отнести и серебряную чашу, изданную в атласе Я. И. Смирнова под № 286 (табл. CXIV) и входящую в круг тех памятников, которым в самое последнее время

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, 1935, табл. 13. Следует заметить, что поза сидящего царя на нашем терракотовом фрагменте имеет частые аналогии на памятниках кушанского и центрально-азиатского искусства.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро, 1909, табл. XXIV.

³ Сасанидский металл, табл. 19.

⁴ Fr. Sarre. Die Kunst des alten Persien, 1923, t.III, 111.

некоторые историки Средней Азии приписывают хорезмийское происхождение.¹

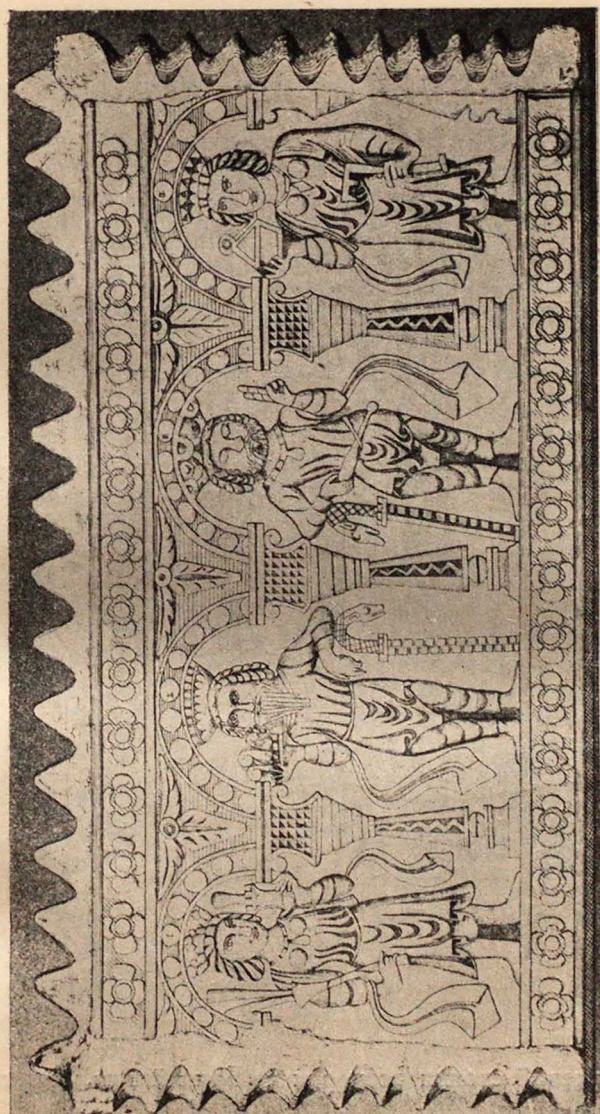
Помимо головного убора и позы сидящего царя, мы находим на нашем рельефе еще два момента, легко выводимые из сасанидских иконографических традиций, поскольку последние нам известны. Оба эти момента, впрочем, являются уже деталями второстепенного порядка. В первую очередь должен быть отмечен топорик, находящийся в правой руке сидящего царя; топорик этот, имеющий, несомненно, эмблематическое значение, вполне тождествен с топориком, изображенным у тахты лунного божества на вышеупомянутом блюде из Климовой.

Вторым моментом является находящийся за спиной царя, справа, большой, изогнутой формы предмет. Хотя назначение и характер этого предмета нам неизвестны, мы, тем не менее, можем смело отнести его к разряду зороастрийских культовых принадлежностей, так как совершенно такой же предмет мы видим в руках одной из женских фигур, составляющих свиту зороастрийской богини (Анахиты?) на известном серебряном блюде Парижской Национальной Библиотеки² (табл. V, 1). На отношение нашего рельефа к числу памятников огнепоклоннического культа указывает, помимо названного, неопределимого пока точнее, предмета, еще то обстоятельство, что на втором фрагменте, принадлежащем к тому же костехранилищу, что и обломок с сидящим царем, изображена безбородая человеческая фигура, держащая в правой руке маленький переносный жертвенник с пылающим на нем огнем, причем жертвенник этот представляет собою уменьшенную и, так сказать, укороченную копию обычного сасанидского аташдана, каким мы находим его на ряде памятников староиранской глиптики (табл. V, 2 и 3). Не противоречит зороастрийскому характеру изображения и плод граната, помещающийся на правом краю фрагмента с сидящим царем и относящийся к соседнему рельефу, полностью утраченному.

Таким образом, оба терракотовые обломка, на которых я столь подробно остановился, дают нам прежде всего основания безоговорочно отнести все так называемые биянайманские оссуарии к числу зороастрийских культовых памятников, что из опубликованного Б. Н. Кастальским экземпляра было еще не вполне ясно. Во-вторых, как выяснилось из предшествующего, они дают определенные точки опоры для датировки этой группы оссуариев. Датируя фрагмент с изображением сидящего на тахте царя, самое раннее, VII столетием, я, вместе с тем, даю хронологическое определение и основ-

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит, Вестник Истории Древнего Мира № 4 (5), стр. 139 сл.

² Восточное серебро, табл. XVII.

Лицевая стенка осуария из Бянаймана.
Реконструкция Б. Н. Кастальского.

Фрагмент лицевой стенки оссуария из Биянаймана. Эрмитаж.

Фрагмент лицевой стенки оссуария из Биянаймана. Эрмитаж.

1. Серебряная монета Хосрова Парвеза. Эрмитаж.

2. Деталь серебряного блюда. Эрмитаж.

1. Деталь серебряного блюда. Паоиж.

2-3. Иранские резные камни. Эрмитаж.

Серебряный кувшинчик. Эрмитаж.

Серебряный кувшинчик. Эрмитаж.

Серебряный кувшин из с. Слудки.
(утерян)

ному типу бинайманских костехранилищ, изданному Б. Н. Кастальским, хотя и с оговоркой, что, ввиду меньшей конкретности и как бы схематичности изображений на этом типе, мне кажется возможным отнести его к несколько более позднему времени, и я думаю, мы не ошибемся, если поместим основную массу бинайманских терракот в ту же эпоху, из которой происходит и археологический комплекс Кух-и-Муг — в эпоху завоевания Согда арабами. За столь позднее происхождение бинайманских оссуариев опубликованного типа говорит также и позднесасанидская, продолжавшая существовать и после гибели Сасанидов, орнаментировка арок кружками, находимая нами и в стеновых росписях Самарры¹ и хотя бы на миниатюрах „Книги об автоматах“ Филона Византийского в арабской переработке ал-Джазари;² говорит за это и отмеченное в *Survey of Persian Art* поразительное сходство встречающегося на некоторых частях бинайманских костехранилищ растительного орнамента с орнаментом на эрмитажном серебряном кувшине с изображениями крылатого верблюда³ — памятнике, относимом некоторыми исследователями уже к аббасидской эпохе.⁴

VI

Если признать зороастрийский характер бинайманских терракот и если, вместе с тем, принять, пока хотя бы лишь условно, что эти терракоты являются фрагментами гробов-оссуариев, то создается уже некоторая база для истолкования находящихся на них изображений. Мы знаем, что на античных саркофагах, равно как и на стенах античных погребальных помещений, обычно изображались эмблемы или даже целые сцены, имеющие то или иное отношение к смерти и верованиям в загробное существование. Иногда это отношение является очень отдаленным и может быть разгадано лишь как символ, — для примера, напомним хотя бы стеновые картины пальмирской катакомбы, изображающие похищение Ганимеда и Ахилла среди дочерей Ликомеда: первая из этих картин символизирует смерть, вторая — судьбу, неуклонно влекущую к смерти.⁵ Исходя из такого положения, и в фигурах, изображенных на бинайманских оссуариях, хочется искать какой-то связи с назначением украшаемых ими предметов, — и здесь,

¹ E. Herzfeld. *Die Malereien von Samarra*, 1927, табл. X — роспись гарема дворца „ал-Джаузак“.

² E. Kühnel. *Miniaturmalerei im Islamischen Orient*. 1922, табл. I.

³ Сасанидский металл, табл. 49.

⁴ F. Sarre. *Ук. соч.*, стр. 71, табл. 120.

⁵ Б. В. Фармаковский. Живопись в Пальмире, *Изв. Русск. Археолог. Института в Константинополе*, т. VIII, вып. 3.

прежде всего, появляется мысль истолковать их как погребальную процессию. Однако такое толкование, выдвинутое А. Калмыковым и А. А. Потаповым, на мой взгляд, не может быть принято. С таким пониманием рассматриваемых изображений никак не могут быть увязаны, с одной стороны, фигура сидящего на тахте царя, с другой же стороны — короны на головах всех без исключения фигур. Эти короны вполне определенно показывают, что перед нами не обычные человеческие существа: видеть в них согдийских царей, как это делает А. А. Потапов, мы не имеем оснований. На мой взгляд, фигуры, изображенные на биянайманских терракотах, представляют мифологические персонажи. Какие же образы зороастрийских верований воплощены в этих фигурах? Если бы их было семь, мы решили бы, что это — Амшаспанды, Амеша-Спента, „семеро бессмертных“, своего рода ангелы зороастрийского пантеона; но фигур только четыре. И тут прежде всего, благодаря этому числу, возникает мысль: не являются ли фигуры, изображенные на терракотовых костехранилищах, олицетворением четырех основных принципов зороастрийской космологии, четырех священных стихий — земли, огня, воздуха и воды? Рассмотрим эмблемы, находящиеся в руках у фигур: не подтвердят ли эти эмблемы нашего предположения? Крайняя слева женская фигура держит в руках стебли растения и ступку. Растение, вполне естественно, является наиболее выразительной эмблемой произведшей его земли, представляющей, согласно зороастрийским верованиям, женское космологическое начало: мы знаем, что один из Амшаспандов, Армайти, был первоначально богиней земли.¹ Что касается ступки, то она показывает, — и на это обратил внимание уже Б. Н. Кастальский, — что здесь изображено не какое-нибудь рядовое растение, а благороднейшее среди растений, священная хаома, сок которой играет столь видную роль в зороастрийском культовом ритуале.² В следующей — мужской — фигуре, по жаровне с завивающимися на ней языками пламени, нетрудно признать персонифицированный огонь, мужское космологическое начало; хочется думать, что это — особый род священного огня зороастрийцев, Вогуфрьяна (Vohufryāna), пребывающий, согласно верованиям огнепоклонников, в телах людей и животных.³ Третья фигура, также мужская, указывает вверх двумя вытянутыми пальцами левой руки:

¹ Fr. Spiegel. *Iranische Altertumskunde*, II, 1873, стр. 37, сл.

² На нескольких фрагментах биянайманских оссуариев, принадлежащих третьей, неизданной разновидности, изображено луковичное растение в руках человеческой фигуры.

³ Spiegel. *Ук. соч.*, стр. 48.

это, как мне кажется, персонифицированный воздух,¹ или бог воздуха Вайу (Vayu), которого, действительно, трудно охарактеризовать какой-либо зрительной эмблемой, так что художнику пришлось ограничиться указанием на область его господства, уходящую вверх, к небесам. Данный жест, впрочем, одновременно может иметь и какое-либо культовое значение. Наконец, крайняя справа женская фигура, держащая в руке сосуд, представляет воду, обычно — также женское космологическое начало: вспомним, что Ардвисура Анахита является, в сущности, водяным божеством.² Странного вида вещь в левой руке женщины, напоминающая, по словам Б. Н. Кастальского, деревянный ключ, является, быть может, какой-либо деталью оросительных сооружений.³ При таком понимании наших фигур, только два предмета из числа изображенных остаются пока необъясненными: короткий жезл за поясом второй мужской фигуры и странные посохи со зверообразными изогнутыми ручками у обеих мужских фигур.⁴ Что же касается изображения четырех стихий на стенках костехранилища, то оно мне кажется вполне уместным: ведь, по представлению зороастрийцев, человеческое существо создается из четырех священных начал и к ним же возвращается после смерти, распадаясь на свои составные части.

Но как же, в таком случае, объяснить фигуру царя, сидящего на тахте с топором в руке? Какую связь имеет эта фигура с четырьмя персонифицированными стихиями? На мой взгляд, истолковать сидящего с топором в руке царя можно вполне определенно: это — астрологическая персонификация планеты, носящей в пехлевийских текстах древневавилонское имя Кеван, в античном же мире известной под именем Крона и Сатурна. Что сасанидское искусство, опять-таки в широком смысле этого термина, знало астрологические изображения, это нам хорошо известно. У нас есть, по крайней мере, один пример подобных изображений — „лунная колесница“ на упоминавшемся выше серебряном блюде из Климовой, но, помимо этого, о существовании сасанидской астрологической иконографии вполне ясно говорят некоторые литературные свидетельства: вспомним хотя бы слова ас-Саалиби о том, что на чудесном троне Хосрова Парвеза, прозванном Тахдис („Подобный небосводу“), были изображены, между прочим, „сферы, звезды, зодиакальные знаки и климаты“.⁵ Как известно,

¹ Он же — божество пространства, Ōwāza.

² Spiegel. Ук. соч., стр. 54, сл.

³ Эта догадка высказана в беседе со мной А. Н. Болдыревым.

⁴ К. В. Тревер полагает, что это — жезлы, употреблявшиеся зороастрийскими жрецами для истребления змей и гадов.

⁵ Histoire des Rois des Perses, ed. et trans. par Zotenberg, p. 699.

в пехлевийской литературе существовала переведенная с греческого или сирийского астрологическая „Книга Танкалуши Вавилонянина“, украшенная миниатюрами, пользовавшимися значительной популярностью.¹ Так как пехлевийский текст этого памятника не дошел до нас, воспользуемся его арабской переделкой конца IX столетия² и посмотрим, нет ли здесь разгадки интересующего нас изображения сидящего на тахте царя. Просматривая одно за другим описания самых неожиданных, причудливых, бесконечно разнообразных, часто фантастических, иногда же весьма реалистичных изображений, мы под тридцатым градусом знака Весов находим то, что нам нужно: „В этом градусе восходит Сатурн в образе величия своего... Он сидит на парчевом ложе, положив одну ногу на ляжку другой; на голове его — корона из зеленого изумруда; в правой руке его — круг из темного камня, заключающий в себе большое разукрашенное зеркало... И борода его — большая, белая, как снег...“³

Если мы сравним это описание с нашим рельефом на оссуарии, то сразу же обнаружится целый ряд любопытных совпадений: и там, и здесь представлен старец с большой бородой, в короне, сидящий на тахте в характерной позе — положив одну ногу на ляжку другой. Совпадает, собственно, все, за исключением одного момента: Сатурн „Книги Танкалуши“ в правой руке держит зеркало, тогда как на нашем рельефе в руке у сидящего царя — топор. Эмблемы эти весьма различны, и мы имели бы право усомниться в тождестве сравниваемых изображений, если бы на помощь нам не пришел известный арабский космограф ад-Димашки (XIV в.). Этот автор, говоря о харранских сабиях, являвшихся, как известно, последователями древнемесопотамского астролатрического культа, сообщает, что в одном из харранских храмов, функционировавшем еще в X в. х. э., находилось изображение Сатурна, представленного в виде „черного седого индийца, держащего в руках топор“.⁴ Мы не будем затрагивать на этих страницах вопрос о том, почему Сатурн здесь назван индийцем; вопрос этот увел бы нас слишком далеко от нашей непосредственной темы. Нам важно сейчас отметить лишь топор как эмблему, связанную с персонифицированным Сатурном. Ад-Димашки дает также описание некоторых других изображений Сатурна, находившихся в том же харранском храме, из чего видно, что

¹ Миниатюры эти не сохранились, но по тексту трактата легко восстановить их содержание.

² Эта переделка принадлежит Абу Бекру ибн-Ахмеду ибн-Вахшийе.

³ Даю перевод на основании рукописи Д. А. Хвольсона, находящейся в ИВАН. С. 1680, стр. 63—64.

⁴ D. Chwolson. Die Ssabier und der Ssabismus, 1855, т. II, стр. 382.

иконография этого божества имела некоторое разнообразие форм.¹ Для меня поэтому не остается никакого сомнения в том, что царь с топором на биянайманском оссуарии является определенной разновидностью изображения Кевана-Крона-Сатурна, разновидностью, представляющей как бы сочетание формы, описанной в „Книге Танкалуши“, с формой, описанной у ад-Димашки.

Но почему на оссуарии изображен именно Сатурн?

Мы знаем, что в позднеантичную эпоху Крон, бог планеты Сатурн и первоначально бог урожая, слился с Хроносом, божеством-олицетворением времени; так, например, на одной монете эпохи императора Гордиана (III в. х. э.),² возле изображения Сатурна в виде бородатой мужской фигуры с длинной косою (hagra), очень близкою к той косе, которая в средние века сделалась неотъемлемой принадлежностью аллегорических изображений времени и смерти, имеется легенда: „aeternitas augusta“, показывающая, что Сатурн здесь является олицетворением вечности. В иранском мире, повидимому, имел место тот же процесс слияния Кевана-Сатурна с божеством времени, Зрван-Акарана. По крайней мере в деяниях сирийских мучеников (история о Сабе) на сцену выводится маг, молящийся богам Зевсу, Крону (Сатурну) и Аполлону, под которыми, несомненно, понимаются Охрмазд, Зрван и Митра.³

Таким образом, на нашем оссуарии под видом Кевана изображен, вероятнее всего, бог времени Зрван, который вместе с фигурами стихий может быть истолкован так: неумолимое время разрушает человеческое существо, возвращая его стихиям. Но эта мысль имеет и обратную сторону: то же время приблизит наконец *ristaxēz* — час воскресения мертвых, когда человек получит *tan-i-pasēn* — новое нетленное тело.

Итак, рассмотренные изображения на оссуарии оказываются вполне уместными, и даже более того — самый факт наличия этих изображений на стенках терракотового ящичка, на мой взгляд, бесспорно доказывает, что этот ящичек — сооружение погребального характера, оссуарий.

VII

Я не берусь здесь сравнивать биянайманские фрагменты с многочисленными и разнообразными памятниками афрасиабской терракоты, бесспорно принадлежащей к иному типу,

¹ Ср. также описания в книге гаят-ал хахим, ed. Ritter, 1927, стр. 110.

² Пользуюсь эрмитажным экземпляром, любезно указанным мне А. Н. Зографом.

³ Все три божества — планетарные. G. Hoffmann. *Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer*, 1880, стр. 72. A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*, 1936, стр. 150.

а также в какой бы то ни было мере выяснить исторические причины различия обоих типов. Но сейчас, в заключение, мне хочется вскользь задеть, не углубляя, а только намечая, вопрос об иконографическом сродстве биянайманских оссуариев с определенной группой староиранских серебряных сосудов — я имею в виду кувшины, на которых изображены стоящие под аркадами женщины с культовыми предметами в руках¹ (табл. VI и VII). Сродство это сразу бросается в глаза и отмечалось в литературе не раз,² но соответствующих исторических выводов из этого, насколько мне известно, никто еще не сделал. Правда, на кувшинах мы находим только женщин, тогда как на биянайманских терракотах женские фигуры чередуются с мужскими, да и предметы в руках этих фигур отличаются от предметов, несомых женщинами на кувшинах, — но эти отличия можно объяснить, прежде всего, разным назначением двух сравниваемых групп вещей. Впрочем, один из предметов на терракотах — небольшой сосуд с пирамидальной крышкой в руках женской фигуры — встречается также на одной из вазочек (табл. VI), и потому видеть в нем, вслед за Калмыковым, особой формы оссуарий едва ли возможно. Но, несмотря на все различия, сходство между обеими группами вещей разительное. И здесь, и там мы видим аркады, под которыми стоят фигуры в несколько свободных позах, слегка изогнув стан, с характерными развивающимися узкими шарфами, спускающимися с плеча. На вазочках такой шарф естественно вытекает из самого характера легкой полупрозрачной женской одежды, на терракотах же он не вполне вяжется со всей одеждою в целом, как будто чисто внешне соединен с нею, однако этот факт несколько механического соединения очень знаменателен, так как свидетельствует о стойкости некоторых иконографических традиций и позволяет отнести серебряные вазочки ко времени более раннему, чем дата биянайманских терракот.

Не входя в анализ архитектурных деталей арок и колонн на обеих группах памятников, позволю себе остановиться лишь на одном в высшей степени интересном моменте, который мне хотелось бы особенно подчеркнуть. Этим моментом является наличие на вышеописанном терракотовом фрагменте с сидящим царем человеческой фигуры, поддерживающей капитель. К сожалению, основная часть этой фигуры утрачена, сохранились лишь кисти рук и вершина головы, но утраченное будет нетрудно восстановить, если мы обратимся

¹ Сасанидский металл, табл. 44—47.

² Например, в вышеназванной статье А. А. Потапова и в Survey.

к одному памятнику так называемой сасанидской торевтики, принадлежащему — что весьма важно отметить — к той же группе серебряных сосудов с изображениями женских фигур. Я имею в виду открытый в середине XVIII в. в селе Слудки, бывш. Пермской губ., и изданный в 1755 г. Французской Академией серебряный сосуд, погибший во время французской революции и известный нам лишь по воспроизведению¹ (табл. VIII). На этом чрезвычайно любопытном памятнике изображена, в окружении неясных нам эмблем, женская фигура, стоящая под аркой, колонны которой вместо капителей имеют каждая по детской фигуре типа кариатид. Едва ли можно сомневаться, что такие же фигуры детей находились и на биянайманском терракотовом ящичке, фрагментам которого мы уделили так много внимания, с той лишь разницей, что здесь эти фигурки играют роль не капители, а стержня колонны. Ни на каких иных памятниках сасанидского искусства человеческие фигуры типа кариатид, насколько мне известно, не встречаются.²

Итак, из всего сказанного, в качестве вывода, мне со всей осторожностью представляется возможным поставить следующий вопрос: не являются ли серебряные сосуды с изображениями стоящих под арками женских фигур памятниками согдийской торевтики? Ведь из китайских источников мы знаем, что как раз в сасанидскую эпоху в Согдиане существовала золотокузничная промышленность, и к тому же на одном из эрмитажных сосудов этого типа имеется надпись, являющаяся, повидимому, раннесогдийской.³ Я сознательно сейчас лишь ставлю этот вопрос, не берясь ни в какой мере за его разрешение, так как он сам по себе может послужить темой для специального исследования. Это исследование в значительной мере должно основываться на данных стилистического анализа, который я в настоящей статье полностью опускаю, так как с ним неизбежно связан ряд широких искусствоведческих вопросов, вроде вопроса об отношении домусульманского согдийского искусства к искусству кушанскому, а этого последнего — к бактрийскому. Не касался я также вопроса о характере восточноиранского зороастризма в связи с данными, извлекаемыми из изображений на наших оссуариях; помня, что на восточных окраинах иранского мира огнепоклонничество в течение столетий жило в тесном соседстве с буддизмом, следует, конечно, предположить, что оно должно было отличаться в ряде моментов от зороастризма центральных областей Ирана, и, само собою разумеется, вни-

¹ Восточное серебро, табл. XLI.

² Кариатида встретила мне лишь еще на одном терракотовом фрагменте из коллекции Б. Н. Кастальского.

³ Сасанидский металл, табл. 47.

мательное рассмотрение с этой точки зрения как согдийских терракот, так и родственных им памятников торевтики в будущем совершенно необходимо. Пока же я почти себя вполне удовлетворенным, если высказанные мною соображения о датировке биянайманских оссуариев и характере находящихся на них изображений будут признаны заслуживающими внимания.¹

LES OSSUAIRES DE BIANAYMAN

Les ossuaires trouvés par B. Kastalsky en 1908 dans le village de Bianayman (près de Katta-Kourgan) sont des exemplaires les plus intéressants de ce genre. Ces trouvailles ont donné naissance à toute une littérature, et pourtant leur époque n'est pas fixée, de même que les figures humaines dont ils sont ornés n'ont pas été suffisamment déchiffrées. Cela peut s'expliquer par ce que ce type d'ossuaires publié par Kastalsky ne donne pas assez de données. Pour pouvoir dater les ossuaires de Bianayman il faut commencer par l'étude d'un petit fragment, sur lequel on voit un roi assis, tenant une hache à la main. Si on compare la coiffure de ce roi avec des monnaies sasanides on verra que sa coiffure n'est que la reproduction de la couronne royale des Sasanides au VIIe siècle. De cette manière nous pourrions placer ces ossuaires de Bianayman dans le VIIe et peut-être même un peu plus tard—au commencement du VIIIe siècle. En ce qui concerne les quatre figures—deux femmes et deux hommes, on pourrait, il nous semble, en se basant sur leurs attributs, les déchiffrer comme la personnification des quatre éléments sacrés de Zoroastre (l'eau, le feu, l'air et la terre). Quant à l'image du roi, tenant une hache à la main, d'après deux sources littéraires arabes: „Le livre de Tankaloucha“ et „la Cosmographie“ de ad-Dimachks, on doit l'expliquer comme l'image astrologique de la planète de Saturne, rattachée à la tradition de la Mésopotamie.

On peut supposer que dans l'Iran de Zoroastre, ainsi que dans le monde antique, la planète de Saturne se confondit avec

¹ Следует отметить, что небольшой фрагмент оссуария, близкого к биянайманским костехранилищам изданной Б. Н. Кастальским разновидности, находится в коллекции Н. И. Веселовского (Эрмитаж) и происходит, видимо, из Афрасиаба.

le dieu du temps Zrvan. Ainsi nous avons sur ces ossuaires de Bianayman les images des quatre éléments cosmiques de Zoroastre desquels dérive tout ce qui existe et de leur créateur—le temps éternel. Il est intéressant de noter que d'après leur forme ces ossuaires ont beaucoup de ressemblance avec un groupe de petits vases en argent, connus sous le nom de „sasanides“, sur lesquels sont représentées des figures de femmes sous des arcades. On se demande si cette ressemblance ne pourrait pas faire supposer que ces petits vases ont été exécutés par des artisans du Sogd?

A. Borissov
